

Гэто Сугуру так и подмывало съязвить: если бы у верхушки Главного совета магов была хоть какая-то возможность укрощать проклятых духов, разве стали бы они сваливать работу на плечи несовершеннолетних студентов? Вся беда в том, что старейшинам просто не хватало сил. Не имея в распоряжении способных магов, они вынужденно кланчили помощь у тех, кто ещё даже не окончил колледж.

Впрочем, озвучивать эти мысли Сугуру не стал. Подобные речи отдавали бы чрезмерным высокомерием. Перед кем-то другим он бы и бровью не повёл, красуясь спесью, но выставлять напоказ гордыню перед Годжо Харой, который превосходил его во всём, почему-то не хотелось.

Хара скользнул взглядом по притихшему Гэто, но развивать тему не стал. Все эти советы он давал юноше исключительно ради Сатору. Любя младшего брата, он невольно переносил эту заботу и на его близких друзей.

В этот момент в ворота колледжа вихрем влетел Сатору, таща за собой набитый подарками чемодан. Хара тут же потерял всякий интерес к разговору с Сугуру и поспешил вслед за братом.

Пока Хара разбирал вещи в общежитии, Сатору уже всюду разносил сувениры. Подарков он набрал уйму — и каждый подобрал с таким расчётом, чтобы одариваемый запомнил этот день надолго.

Хара прекрасно понимал, какие каверзы кроются за этой щедростью. Но глядя на довольную физиономию брата, похожую на морду лукавого, замышляющего пакость кота, он мог лишь тяжело вздохнуть. Спорить было бесполезно — оставалось только пустить всё на самотёк.

— ГОДЖО САТОРУ!!!

Оглушительный рёв Яги Масамити сотряс стены Токийского магического колледжа. Хара, как раз укладывавший вещи, мгновенно переместился на источник шума. Если Сатору умудрился довести классного руководителя до белого каления, того и гляди полетят кулаки, а значит, нужно было срочно спасать непутёвого брата от суровой учительской кары.

Оказавшись на месте, Хара застал прелестную картину: Сатору с разбегу выпрыгивал из окна кабинета Яги, прижимая к груди нечто, с виду напоминающее огромную чёрно-белую крысу. Заметив старшего брата, тот так и просиял и замахал свободной рукой:

— Брат, глянь быстрее, кого я нашёл!

Хара подошёл ближе. «Крыса» при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не грызуном, а крошечным бамбуковым медведем. Закутанный в пелёнки детёныш панды держал во рту соску и уставился на магов блестящими влажными глазками — совсем как человеческий младенец.

Шесть глаз безошибочно определили природу существа: перед ними был проклятый труп. Вот только прежние творения Яги такой трогательной заботы достаивались редко. Это чудо нянчили словно родное дитя.

«Неужели Масамити так тяжело переживает развод, что решил смастерить себе искусственного преемника?»

Эта мысль мимолётно пронеслась в голове Хары.

Из дверей кабинета выскочил разъярённый классный руководитель. На ходу вытягивая руки, он попытался вырвать свёрток у похитителя:

— Сатору! А ну верни Панду!

Сатору ловко увернулся и перебросил младенца прямо в руки брату:

— Хара, хватай и прячь!

Хара рефлекторно поймал пушистый свёрток. Малыш мирно причмокивал соской. Взглянув на него, Хара столкнулся со смыслёным взглядом тёмных, обведённых чёрными кругами глаз. В них не было страха — только живой интерес.

Спокойно преградив учителю путь невидимой стеной Безграничности, Хара удержал Панду у себя. Озадаченный Яга упёрся в непреодолимый барьер, а юноша невозмутимо спросил:

— Эта марионетка ведь отличается от ваших прежних работ, не так ли?

Мужчина переменился в лице. словно в подтверждение слов Хары, мохнатый комок повернул круглую голову в сторону создателя и пискнул:

— Масамити!

Детёныш забавно потянулся лапками к учителю:

— Масамити, на ручки!

Хмурясь всё сильнее, Яга вновь протянул руки. На этот раз преграждать ему путь Хара не стал и бережно переложил Панду в мозолистые ладони преподавателя.

— Если старейшины из Главного совета магов пронюхают, что вы сумели создать мыслящий, разумный проклятый труп, они из вас душу вытрясут, но выведают секрет его изготовления, —

тихо предостерёг Хара.

Яга помрачнел ещё больше. Он и подумать не мог, что тайна Панды раскроется при первой же случайной встрече с этим юношей. Но судя по тону предупреждения, Хара не собирался доносить на него руководству.

На ум Масамити пришла папка с личным делом Хары, которую он до дыр зачитал перед тем, как взять под крыло близнецов с легендарными Шестью глазами. В тех отчётах особо подчёркивалось, насколько натянутыми были отношения между старшим из братьев и верхушкой Мира магов.

Немного поколебавшись, Яга глухо произнёс:

— Панда — единичный случай. Неслыханная удача, если хотите. Повторить такое невозможно.

Конечно, он лукавил. Ему была подвластна технология создания разумных марионеток, но делиться ею он не собирался. Масамити относился к своим творениям как к живым детям и ни за что бы не позволил сделать из них бездушных солдат на службе у алчных старейшин.

Харе было безразлично, лжёт учитель или говорит правду. Он решил вмешаться лишь потому, что уважал честность Яги и его нежелание плясать под дудку Главного совета магов.

— Масамити-сенсей, держитесь этой версии зубами, когда разговор зайдёт с Главным советом магов, — негромко проговорил Хара. — Если они потребуют чертежи и формулы, отдайте им инструкции по сборке самых заурядных кукол. Объясните, что Панда получился случайно, в результате непредвиденного сбоя при стандартном ритуале. Скажите, что сами грезите повторить успех, и сразу же просите у них бюджет на исследования. Объявите, что намерены разработать метод массового производства разумных марионеток.

Яга соображал быстро и мгновенно уловил суть плана. Обычный отказ Главный совет магов бы не устроил. Тверди он, что Панда — единственный в своём роде, старейшины сочли бы это увёрткой и силой выбили бы формулу. А упорство лишь укрепило бы их в мысли, что строптивый маг утаивает бесценное оружие.

Но если он сам, упреждая вопросы, положит им на стол базовые схемы и загорится идеей поставить производство на поток пуще самих заказчиков, подозрения растают сами собой.

Учитель медленно кивнул, его лицо исказила горькая, но благодарная усмешка.

— Спасибо, — тихо ответил он.

Яга славился своей прямоотой, однако глупцом не был. Он понимал: в мире магов хитрость порой остаётся единственным щитом, способным уберечь его беззащитных «детей».

Видя, что его совет принят, Хара развил мысль:

— Поскольку вы сделаете первый шаг добровольно, к Клятве вас принуждать скорее всего не станут. Впрочем, от этих гнилых мандаринов можно ждать любого безумия. Будьте готовы к худшему. Если они всё же заикнутся о связывающей Клятве, заломите такую цену, чтобы у них глаза на лоб полезли. Старейшины любят поживиться за чужой счёт и ни за что не расстанутся с баснословными суммами ради какой-то гарантии. Ну а чтобы они не вздумали прижать вас к стене, скормите им красивую сказку. Берите деньги на изыскания, обещайте продавать им будущие образцы и ведите себя как можно корыстнее. Пусть думают, что вами движет простая жажда наживы.

Стоило Яге напустить на себя вид беспринципного дельца, готового продать результаты за приличный куш, как давление сверху ослабло бы. В конце концов, он оставался наставником двух сильнейших магов современности. Совет справедливо опасался гнева близнецов с Шестью глазами, а потому предпочёл бы договориться по-хорошему, дождавшись, пока Масамити сам принесёт им готовую технологию на блюде.

Разумеется, делиться секретом Яга не собирался, а значит, обещанного прорыва старейшинам предстояло ждать до скончания веков.

Научные изыскания — дело тонкое, гарантий тут нет. С тем, что инвестиции порой сгорают без следа, Главный совет магов со скрипом бы смирился.

Поразмыслив над планом Хары, Масамити официально уведомил Главный совет магов об «уникальной аномалии» — рождении мыслящего Панды. Он красочно расписал перспективы и запросил крупный грант на продолжение исследований.

До сих пор Панда рос за закрытыми дверями. И пусть Хара изрядно вычистил колледж от шпионов Главного совета магов, абсолютной безопасности это не гарантировало. Прятать ожившую куклу бесконечно было невозможно, и добровольное признание в нужный момент стало идеальным ходом.

Расчёт Хары оправдался с ювелирной точностью. Узнав о внезапном триумфе марионеточника, верхушка Главного совета магов даже не заподозрила подвоха. Решив, что преподаватель преданно делится успехами, они без лишних вопросов одобрили финансирование.

«Если мы сможем поставить производство этих тварей на поток, у нас в руках окажется непобедимая армия!»

Потирали руки старейшины. Ведь разумные марионетки, способные признавать хозяина не хуже проклятого орудия, были их давней мечтой.

Жаль только, что сам создатель разводил руками, сетуя на абсолютную непредсказуемость процесса. Мечты об армии марионеток оставались далёким миражом, но старейшинам не

оставалось ничего другого, кроме как надеяться на талант Яги. Они принялись всячески задабривать строптивного мастера, надеясь первыми наложить лапу на будущие плоды его трудов.

Жажда власти расколола верхушку Главного совета магов. Каждый клан и фракция жаждали прибрать к рукам монополию на секретное оружие, из-за чего внутри организации вспыхнула яростная подковёрная борьба.

Для самого же Яги эта грызня обернулась неожиданным комфортом: со всех сторон на него посыпались щедрые предложения. Один влиятельный старейшина обещал зелёный коридор для любых проектов и безлимитный бюджет, другой — гарантировал кресло директора Токийского магического колледжа уже в следующем году. Все наперебой пытались переманить мастера на свою сторону.

Никто не смел давить на Масамити или пытаться отобрать Панду. Владеющих техникой создания марионеток мастеров его уровня в мире попросту не осталось, а готовность Яги пойти на контакт расценили как искреннее желание сотрудничать.

Глупо было бы забирать единственный удачный образец у признанного гения и отдавать его дилетантам. Пусть творец сам возится со своим детищем — глядишь, быстрее выдаст желаемый результат.

Наблюдая за этим фарсом, Яга едва успевал отбиваться от назойливых покровителей. В глубине души он поражался тому, как безошибочно Хара просчитал каждый шаг этих властолюбивых дельцов.

События разворачивались в точности по намеченному сценарию. Существование Панды удалось узаконить без лишних жертв, не вызвав у Главного совета магов ни страха, ни желания немедленно уничтожить угрозу.

Наблюдая за действиями Хары, Яга невольно вспомнил старый слух, блуждавший в кулуарах магического мира: поговаривали, что бразды правления в Клане Годжо давно прибрал к рукам именно этот юноша.

Раньше Масамити списывал это на обычные сплетни — дескать, как может подросток, официально даже не являющийся главой клана, крутить такой машиной? Но теперь, столкнувшись с его ледяным расчётом и политической прозорливостью, он понял: в каждой сплетне есть лишь доля шутки.

Получив официальное признание для своего детища, Яга наконец позволил ему вздохнуть свободно. Ему самому претило держать любопытного малыша взаперти, заставляя его притворяться плюшевой игрушкой всякий раз, когда в кабинет заходили посторонние.

И пускай Масамити по привычке нянчился с ним как с грудничком, Панда рос не по дням, а по

часам. Физически он не имел ничего общего с хрупкими человеческими младенцами, так что очень быстро научился не просто ходить, а носиться галопом по всей территории.

Вырвавшись на волю, медвежонок пришёл в неопиcуемый восторг. С неизменной соской в зубах он целыми днями изучал каждый закоулок колледжа.

Вскоре о пушистом жильце узнали Сугуру и Сёко. Подростков нисколько не заботило, какие золотые горы сулит это открытие верхушке Главного совета магов. Для них Панда был просто невероятно милым комком шерсти, которого хотелось тискать круглые сутки.

Сатору, хоть и присутствовал при разговоре брата с учителем, к практической стороне вопроса остался абсолютно равнодушен. Слишком скучно, чтобы забивать себе голову интригами старейшин Главного совета магов.

Зачем переживать, если все проблемы всё равно решит Хара? Наставник в безопасности, брат прикроет — значит, можно со спокойной душой заняться более весёлыми делами. Например, донимать Панду. Сатору изводил медвежонка с таким упоением, что тот то и дело заливался горючими слезами и бежал жаловаться создателю.

Увы, Масамити, чувствовавший себя должником Хары, не мог проявить к его избалованному младшему брату должную строгость. Жалобы Панды тонули в мягком сочувствии, но никаких реальных мер против Сатору не принималось. Сметливый медвежонок быстро сообразил, что ябедничать без толку.

«Не можешь победить — присоединяйся», — рассудил Панда.

Отбросив остатки гордости, он примкнул к своему мучителю. И надо признать, общение с Сатору принесло неожиданные плоды. Малыш быстро раскусил прелесть безграничной наглости: смотреть, как окружающие исходят злобой, не в силах тебе ничего сделать, оказалось чертовски весело.

Так невинное, любознательное дитя природы медленно, но верно превращалось в вредного проказника с лёгкими пошлыми замашками.

К счастью, приёмный отец ни о чём не догадывался: в присутствии Масамити Панда мгновенно натягивал маску послушного ангелочка. Сердце педагога было спасено от сокрушительного известия о том, что любимого сына совратили с пути истинного главные оболтусы колледжа.

Сам Сатору виновным себя не считал. По его глубокому убеждению, Панда просто унаследовал скрытые черты своего создателя.

«Масамити сам тот ещё скромник — сухарь снаружи, бунтарь внутри, вот и кукла у него получилась с двойным дном», — авторитетно заявлял он.

Дни летели незаметно, и наступил февраль. Третьего числа праздновали день рождения Сугуру.

Юноше исполнилось всего пятнадцать — формально он был самым младшим на курсе. Впрочем, внушительный рост и периодически прорывавшийся наружу язвительный характер не позволяли окружающим видеть в нём беззащитного младшего товарища.

Сам Сугуру тоже терпеть не мог, когда кто-то пытался делать скидку на его возраст. Тем не менее внимание одноклассников, решивших устроить дружеские посиделки, было ему искренне приятно.

Сюрпризом для всех стало известие, что традиционное Межшкольное соревнование сестринских школ в этом году тоже назначили на февраль.

Во всей Японии существовало лишь два учебных заведения для магов: Токийский магический колледж и Киотский магический колледж. Ежегодные состязания между ними привлекали внимание десятков практикующих специалистов первого и второго ранга, а за ходом поединков пристально следили даже те, кто не мог присутствовать лично.

Для молодых дарований это был редкий шанс проявить себя: показав силу на арене, можно было заслужить рекомендацию от старших коллег и повысить свой ранг. А ранг в мире магов напрямую определял как уровень доходов, так и доступ к закрытым ресурсам.

Система продвижения, впрочем, была довольно закоряченной. Чтобы подняться на ступень выше, требовалось поручительство двух действующих магов соответствующего уровня. К примеру, претенденту на первый ранг требовалось заручиться поддержкой двух действующих перворанговых специалистов.

Руководство Главного совета магов всюду пользовалось этой лазейкой, безбожно перекрывая кислород способным магам-выходцам из простых семей. Без связей и покровительства влиятельного клана честный одиночка рисковал до старости просидеть на скромном третьем ранге.

Но самым омерзительным было другое. Зная, что маг фактически обладает силой первого ранга, старейшины умышленно занижали сложность его заданий в отчётах. В итоге человек отправлялся на смертельно опасную битву с проклятием первого ранга, получая за это скромную ставку рядового сотрудника. Чистой воды рабство.

Хара прекрасно видел всю гниль этой системы. Однако исправлять её он не собирался — в конце концов, он не был благородным реформатором, пекущимся о всеобщем благе. Напротив, будучи теньвым лидером Клана Годжо, он извлекал из устоявшихся правил прямую выгоду. Для его семьи это был легальный способ вербовать талантливых простолюдинов.

На фоне конкурентов, привыкших выжимать из наёмников все соки, Клан Годжо под началом

Хары выглядел едва ли не образцом щедрости. Они предлагали лучшие контракты, стабильное жалование и реальную защиту. Изнурённые безденежьем маги охотно шли под их знамёна. Сильнейшая фракция в стране, возглавляемая двумя Шестью глазами, была идеальным убежищем. «В тени векового дуба буря не страшна» — эту простую истину понимали многие.

Так что ломать столь удобные механизмы Хара не планировал.

Межшкольное соревнование сестринских школ оставалось главным трамплином для студентов, не имевших знатных родственников.

Впрочем, четверых первокурсников из Токийского магического колледжа эти карьерные игры мало волновали.

Близнецы Годжо давно носили звание магов особого ранга — доказывать кому-то свою состоятельность им не требовалось.

Сугуру успел получить первый ранг благодаря уникальной Технике манипуляции проклятиями, а мощное лобби Клана Годжо за спиной гарантировало, что совать палки в колёса его продвижению никто не рискнёт.

Сёко Иэири занимала особое положение. И пускай под руководством Хары она превратилась в весьма опасного боевого целителя, изучая рукопашный бой и применяя Обратную проклятую технику для уничтожения проклятий, в полевых миссиях она участвовать не собиралась. Все эти навыки служили исключительно для самообороны.

Ей с лихвой хватало госпитальной практики, которая и так оплачивалась по высшему разряду.

Иными словами, никому из первокурсников не нужно было прыгать перед жюри ради заветной подписи. Зато идея заявиться на состязания и в пух и прах раскатать соперников из Киотского магического колледжа пришлась им по душе.

Едва прослышав о том, что к участию допускаются и первогодки, Сатору взлетел на парту и, уперев руки в бока, торжествующе объявил:

— Я лично раскатаю этих киотских неудачников в тонкий блин!

— Наша победа предрешена изначально, так к чему этот шум? — лениво отозвался Сугуру. — Поумерь пыл, Сатору.

Хара с теплотой наблюдал за бурным восторгом брата. Губы его тронула едва заметная улыбка.

Раз уж младший так рвётся в бой, придётся заблокировать петицию Киотского магического

колледжа. Их руководство как раз вовсю лоббировало запрет на участие магов особого ранга, надеясь спасти своих учеников от неминуемой расправы.

Ну и что, что они «особые»? Законные студенты первого курса Токийского магического колледжа имеют полное право развлечься. С какой стати их должны ущемлять?

Пусть Киотский магический колледж выставляет своих магов особого ранга, если они у них, конечно, есть.

Разумеется, протест киотцев завернули без лишних церемоний. Директор Киотского магического колледжа, старик Гакуганзи Ёсинобу, едва удар не схватил, прочитав приписку к отказу: «Правила едины для всех. Киотский филиал волен выставить собственных магов особого ранга, ограничений по силе регламент не предусматривает».

Старик полночи ворочался от злости, а в третьем часу поднялся и принялся неистово терзать струны своей электрогитары, выплескивая гнев в тяжёлых риффах.

«Идиоты! Да будь у меня хоть один такой маг, стал бы я писать эти кляузы?!» — бушевал он мысленно.

Мало того, что два ценнейших обладателя Шести глаз достались Токийскому магическому колледжу, так теперь эти монстры явятся на Межшкольное соревнование сестринских школ и сотрут его подопечных в порошок! От этой мысли аккорды Гакуганзи становились всё яростнее, сотрясая стены его резиденции.

Третьего февраля в колледже накрыли праздничный стол.

Веселье шло своим чередом, пока разговор ожидаемо не свернул на тему грядущего Межшкольного соревнования сестринских школ.

Сатору, прищурившись, уставился на Иори Утахимэ и не упустил случая вставить шпильку:

— Кстати, Межшкольное соревнование сестринских школ ведь пройдёт в Киотском магическом колледже? Это потому, что в прошлом году наша сборная с треском проиграла? Готов поспорить, во всём виновата слабость Утахимэ!

Девушка мгновенно побагровела от ярости:

— САТОРУ-У-У!!!

Сугуру укоризненно покачал головой, причем, его тон оставался абсолютно издевательским:

— Прекрати, Сатору. Негоже обижать слабых. Утахимэ выложилась на полную. В поражении нет её вины — просто она обделена талантом.

Присутствующие дружно притихли. «Да ты издеваешься над ней ещё изошрённее!» — читалось в их глазах.

Утахимэ, казалось, сейчас лопнет от злости. Сжав кулаки, она процедила сквозь зубы:

— Мерзавцы! Вы оба — просто кучка отбросов!

Хара медленно повернул голову. Его холодный взгляд упёрся в разъяренную девушку. Утахимэ, собиравшаяся выдать очередную порцию ругательств, внезапно осеклась. По её спине пробежала волна ледяного озноба. Тело оцепенело, скованное необъяснимым страхом, и она даже не рискнула посмотреть в сторону старшего близнеца.

Напряжение уловила Мэй-Мэй. Не меняясь в лице, она перевела взгляд на Хару. Тот сидел вполоборота к свету, его лицо тонуло в глубоких тенях. Однако плотно сжатые губы выдавали крайнюю степень недовольства.

Решив разрядить обстановку, Мэй-Мэй поспешила увести разговор в сторону:

— Ну, с такой тяжёлой артиллерией победа у нас в кармане. В следующем году Межшкольное соревнование сестринских школ гарантированно вернётся в Токийский магический колледж.

— Д-да... точно, — выдавила из себя побелевшая Утахимэ.

Лишь после этого удушающее давление, сковавшее её грудь, наконец отступило. Тяжёлый взгляд скользнул мимо.

Спустя несколько минут Утахимэ украдкой покосилась на старшего брата.

Раньше ей казалось, что Хара — полная противоположность своему невыносимому брату. В то время как Сатору нагло тыкал ей, пренебрежительно звал по имени и вечно потешался над её слабостью, Хара неизменно улыбался и вежливо величал «старшекласницей Иори». Он казался образцом благородства, не позволяющим себе кичиться силой.

Утахимэ искренне восхищалась им, сокрушаясь, что природа обделила Сатору манерами старшего брата. Но сегодня иллюзии рухнули. Этот вежливый юноша скрывал под маской благопристойности нечто по-настоящему пугающее. И тут в её памяти всплыли слухи, циркулировавшие среди студентов: Годжо Хара был абсолютно бескомпромиссен, когда дело касалось защиты его драгоценного младшего брата.

<http://bllate.org/book/19549/2004319>